

ГЛАВА 26

Гу Цин нахмурился и, сев за стол, погрузился в молчание.

Мэй Цзибай не стал его торопить. Он не спеша доел порцию рыбного супа, отложил ложку и негромко спросил:

— Ты не можешь рассказать о причинах даже мне?

— Да нет, тут нет особого секрета, — Гу Цин мельком взглянул на него и тут же отвел глаза. — Я согласился на публикацию фото только потому, что не хочу больше слышать, будто я безнадёжный и пустой гуляка. Раньше я и впрямь вёл себя скверно, признаю. Но люди постоянно шепчутся, что у тебя плохой вкус... Я ведь всерьёз решил завоевать тебя. И это не пустые слова.

Он перевёл дыхание и продолжил, вкладывая в каждое слово неожиданную твёрдость:

— Я просто хотел, чтобы они увидели: я меняюсь. Я правда стараюсь стать достойным того, чтобы стоять рядом с тобой. Понимаю, мне, возможно, никогда тебя не догнать, но я не хочу, чтобы при упоминании нас двоих люди говорили, будто мы — пара сапог не на ту ногу, или что ты ослеп, раз выбрал меня.

Гу Цин и в самом деле сыт был по горло чужими пересудами. Ладно бы критиковали только его — это он мог стерпеть. Но когда задевали Мэй Цзибая, когда шипели, что тот «лишился рассудка» или «окопался в болоте», это приводило его в ярость.

Те, кто был рядом, видели его перемены, но для остального мира он оставался прежним никчёмным наследником. Съёмки в кино стали идеальным шансом заставить людей взглянуть на него иначе. К тому же, помимо мести, он хотел найти в этой жизни что-то своё, настоящую цель.

На обратном пути ему позвонила мать, Чжао Вэньцзе. Она уже видела новости в горячих запросах, и в её голосе смешивались изумление и гордость. Она хвалила его за усердие и даже предложила как-нибудь прийти домой и приготовить что-нибудь для семьи. В трубке Гу Цин услышал даже сдавленный, прерывистый вздох отца — старик явно был растроган до слёз. Конечно, он согласился. Родители прежнего владельца тела заслуживали заботы и сыновнего почтения.

Мэй Цзибай внимательно смотрел на юношу. Гу Цин сидел непривычно ровно, и эта его упрямая решимость казалась Цзибаю до боли знакомой. Он встал, подошёл к нему и, обняв за плечи, ласково взъерошил ему волосы.

— Я вижу все твои старания, — тихо проговорил Мэй Цзибай. — То, что болтают другие,

никогда не изменит моего мнения о тебе. И запомни: для меня вопрос не в том, «подходим» мы друг другу или нет. Для меня это вопрос чувств.

«Или вопрос совместимости характеров», — мысленно добавил он, думая о Юй Цзиньняне.

Люди меняются, это правда. Но самую суть, искру живой души, изменить невозможно. Цзибай ни за что бы не перепутал этот внутренний свет, даже если бы Гу Цин вёл себя совершенно иначе. Его колючий, принципиальный характер — это и был настоящий Юй Цзиньнянь.

Хотя слова Мэй Цзибая немного успокоили его, Гу Цин остался при своём:

— И всё же, я хочу заткнуть им рты.

— Я верю в тебя. Поступай так, как считаешь нужным.

— Угу.

Гу Цин замялся. Физическая близость с Мэй Цзибаем всё ещё сбивала его с толку. Даже если тот считал его младшим братом или милостиво позволял за собой ухаживать, такие интимные объятия казались... чересчур?

С одной стороны, он знал о чувствах Цзибая к Юй Цзиньняню, с другой — кожей чувствовал, что и к нему нынешнему тот равнодушен. Чем больше он об этом думал, тем сильнее запутывался.

В конце концов он выдохнул. «Да какая разница, всё равно я — это я. Глупо ревновать к самому себе».

Он поднял голову и встретился взглядом с Мэй Цзибаем. Улыбнувшись, Гу Цин прищурился:

— Супы у меня получаются даже лучше, чем обычные блюда. Давай на выходных приготовлю что-нибудь для тебя? Тебе какой больше по душе: сладкий или солёный?

Раньше он часто варил всевозможные каши и бульоны для больной матери, подрабатывая на нескольких работах, чтобы покупать только лучшие продукты.

Мэй Цзибай легонько ущипнул его за щеку:

— Любой. Только без лотоса и редьки.

— Понял-понял! — не удержался от смешка Гу Цин.

***

Дела в компании были улажены заранее, так что на съёмочной площадке он по-настоящему наслаждался атмосферой. Роль была небольшой, он не уставал и наконец-то смог расслабиться. Но была и другая причина, по которой он согласился на это cameo — человек, за которым Мэй Цзибай просил присмотреть.

Линь Шэн. Успешный, богатый и титулованный киноактер, исполнитель главной роли в этом фильме.

Однако рядом с ним постоянно крутился помощник, не отходя ни на шаг, так что Гу Цин никак не мог найти момента, чтобы переговорить с Линь Шэном наедине. Когда основные сцены были отсняты, он вместе с Е Байцином остался ждать решения режиссёра: потребуются ли дополнительные дубли.

Мэй Сяотун подошла к нему и протянула стакан горячего имбирного чая. Проследив за его взглядом, направленным на Линь Шэна, она заметила:

— Мы с ним старые однокурсники. Он собрал все мыслимые награды, и о его репутации, как и о таланте, ходят легенды. Вы раньше пересекались?

Гу Цин отхлебнул чаю. Пряная острота мгновенно разлилась по горлу, согревая изнутри.

— Нет, увидел его здесь впервые.

Он не лгал. Но его интерес к Линь Шэну был вызван документами, оставшимися от Ван Чжэня. Там говорилось, что киноактер как-то связан с У Циминем — тот спонсировал многие его проекты, причём вкладывал огромные суммы. Узнав, что главную роль играет именно Линь Шэн, Гу Цин отбросил все сомнения. Он обязан был поехать на съёмки.

— Ты так пристально за ним наблюдаешь, — задумчиво протянула Мэй Сяотун, — я уж решила, что вы знакомы.

Гу Цин качнул головой, переводя тему:

— Мне просто кажется, что его образ какой-то... противоречивый.

Сяотун вздохнула:

— У тебя острый глаз. Зрители видят в нём лишь холодного, благородного затворника, подобного бамбуку под снегом. Но его путь на вершину был куда сложнее, чем кажется со стороны.

— Есть какие-то тайны?

Мэй Сяотун слегка прищурилась:

— Ты так интересуешься посторонним мужчиной... Не боишься, что Цзибай приревнует? В делах сердечных он далеко не так великодушен, как кажется.

— Я... мне просто любопытно, честно, — смутился Гу Цин. — Ничего такого. Если он спросит, я всё объясню.

Мэй Сяотун хмыкнула и снова посмотрела на Линь Шэна.

— Мы учились на одном потоке, несколько раз работали вместе, так что отношения у нас приятельские. Сейчас он на вершине, но пять лет назад всё было иначе. У него не было связей, и, несмотря на талант, хорошие роли обходили его стороной. До тридцати лет он получал лишь награды за роли второго плана. А потом, за последние пять лет, на него посыпались такие предложения, которым позавидовали бы девяносто восемь процентов актёров.

Гу Цин знал об этом. Карьера Линь Шэна в последнее время напоминала взлёт ракеты. Два-три масштабных проекта в год, лучшие сценарии, звёздный состав. С его талантом награды были лишь вопросом времени — он был из тех, кого поцеловал сам Бог. Но такой успех всегда порождает зависть. За спиной должны были шептаться, однако в индустрии царила странная, почти пугающая тишина.

— Должно быть, в тридцать он нашёл очень влиятельного покровителя, — осторожно предположил Гу Цин. — С его-то данными пробиться нетрудно, если есть ресурс.

— Можно сказать и так. Сам он об этом молчит как рыба, а я не лезу в чужую душу. Интересоваться не запрещаю, но мой тебе совет: не сближайся с ним слишком сильно. Человек, который стоит за его спиной — это не просто какой-то У Цимин.

Гу Цин на мгновение посмотрел жёстко, но он быстро взял себя в руки.

— Я понимаю. Просто спросил. Не сделаю ничего лишнего, не волнуйся.

Значит, У Цимин — лишь посредник? Над ним есть кто-то покрупнее.

— Вот и славно, — повеселела Мэй Сяотун. — В шоу-бизнесе глубокие воды. Поиграл немного — и хватит, не принимай всё близко к сердцу.

— Угу, — Гу Цин заметил, что съёмка очередного дубля окончена. — Пойду поздороваюсь с ним. Он был очень добр ко мне и Байцину в эти дни.

— Иди. Только не пропадай, скоро выясним насчёт пересъёмки. Если я тебя потеряю, Цзибай с меня голову снимет.

Гу Цин лишь улыбнулся. С ним носились как с маленьким ребёнком, которого нельзя оставить без присмотра ни на минуту. А ведь он, на минуточку, взрослый мужчина.

Он подошёл к Линь Шэну:

— Брат Линь, здравствуйте. Для меня съёмки сегодня заканчиваются, хотел поблагодарить за помощь.

Линь Шэн вежливо улыбнулся:

— Не стоит благодарности. Мы все работаем на общий результат, это нормально.

Мэй Сяотун была права: он со всеми был безупречно вежлив, но его взгляд был холодным. Казалось, он никого не подпускает к себе по-настоящему.

Гу Цин достал телефон:

— Раз уж мы встретились, может, обменяемся контактами? Будет повод пригласить вас на ужин. Мне интересно кино, был бы рад пообщаться, если вы не против.

Линь Шэн на мгновение замер, не успев ответить. Но его помощник тут же влез вперёд с подобострастной улыбкой:

— Господин Гу, у нас очень плотный график, мы вынуждены откланяться. Обязательно пообщаемся в следующий раз!

Гу Цин проводил их взглядом. Его лицо оставалось спокойным, но на душе стало тяжело. Этот «помощник» больше напоминал надзирателя, приставленного большим боссом, чтобы контролировать каждый шаг актёра. Похоже, Линь Шэну запрещено иметь личные знакомства. Шанс был упущен.

— Не бери в голову, — раздался голос Фан Хуайнина. — Он никогда не добавляет никого в друзья. Личных контактов он не даёт принципиально. Хочешь связаться — иди либо к агенту, либо к ассистенту.

Гу Цин усмехнулся:

— Хотел подружиться с хорошим человеком, да, видно, не судьба. Ничего страшного.

— Главное — не зацкливайся. Где Байцин? Вам нужно снять ещё пару крупных планов, и свободны.

— Прячется в гримёрке, сейчас приведу.

Гу Цин решил взять на себя обязанности ассистента, чтобы немного отвлечься. Линь Шэн определённо был ключом к разгадке, но как к нему подступиться? Нужно посоветоваться с Мэй Цзибаем.

Когда дополнительные кадры были отсняты, на площадке послышался приглушённый шёпот. Гу Цин обернулся и увидел, что Е Байцин уже со всех ног несётся к кому-то с криком «Брат!».

Зимой темнеет рано. В синих сумерках, посреди рабочего хаоса съёмочной площадки, стоял Мэй Цзибай. Безупречный костюм-тройка, строгое длинное пальто — он казался чужеродным элементом в этой суете, но при этом выглядел настолько естественно и властно, что невозможно было отвести взгляд. Этот человек обладал редким даром сохранять невозмутимость в любой обстановке.

Гу Цин на мгновение застыл. Е Байцин уже успел запрыгнуть брату в объятия, и только когда Мэй Сяотун легонько толкнула Гу Цина локтем, тот пришёл в себя.

Он решительно зашагал к ним и первым делом схватил Е Байцина за шкуру, оттаскивая от Цзибая.

— Что за нежности? Тебе уже пятнадцать, взрослый лоб! Хочешь обниматься — иди к Цзайчжоу. У твоего брата есть семья, нечего на него вешаться! Слышишь меня?

Е Байцин округлил глаза:

— Я его родной брат! Подумаешь, обнял! Попробуй сам запрети ему меня обнимать!

Гу Цин смерил его долгим взглядом, а потом повернулся к Мэй Цзибаю. Ухватившись пальцами за край его пальто и опустив взгляд, он проговорил нарочито жалобным, капризным тоном:

— Дорогой... ну скажи ты ему!

Глядя на притворно обиженного Гу Цина, Мэй Цзибай усмехнулся. Он снял перчатку и, взяв юношу за руку, принялся согревать его ладонь в своей.

— Руки совсем ледяные. Замёрз? Давай согрею. Не сердись, в следующий раз беги быстрее, и я обниму только тебя.

От этого нежного, вкрадчивого голоса у Гу Цина запылали даже озябшие щёки.

Успокоив «супруга», Мэй Цзибай повернулся к ошеломлённому брату и похлопал его по плечу:

— Обнимать можно, но не слишком часто. Понимаешь? Если будешь частить, я-то не против, а вот твой будущий избранник может и расстроиться. Ты ведь не хочешь огорчать любимого человека?

Е Байцин лишился дара речи.

Он стоял и смотрел, как Мэй Цзибай уводит Гу Цина в сторону гримёрок, не выпуская его руки. Повернувшись к подошедшей Мэй Сяотун, он возмущённо прошептал:

— Всё правильно говорит, но... я же родной брат! Неужели ради показухи нужно заходить так далеко?

Он старался говорить как можно тише, помня о конспирации. Сяотун потрепала его по щеке и рассмеялась:

— Глупыш, разве брата любят так же, как жену? И неужели ты не видишь, что это уже не совсем игра?

Е Байцин нахмурился, переваривая слова тёти, и вдруг всё понял.

Мэй Сяотун с улыбкой слушала, как вокруг перешёптываются люди, обсуждая увиденное. Похоже, дела продвигаются куда быстрее, чем она ожидала. Мэй Цзибай действительно готов потакать Гу Цину во всём.

***

В гримёрке горела лишь одна лампа у зеркала, и в комнате царил полумрак. Едва Гу Цин закрыл дверь, Мэй Цзибай стремительно развернулся и прижал его к дверному полотну.

Гу Цин опешил. Он даже не успел потянуться к выключателю, как оказался в ловушке.

— Что... что случилось?

Мэй Цзибай молчал, склоняясь всё ближе. Гу Цин замер, чувствуя, как тело сковывает сладкое напряжение. Он смотрел на лицо Цзибая, не в силах отвести взгляд. «Только не ближе! — кричало всё внутри. — Если он сейчас меня поцелует, я точно сойду с ума!»

Неужели этот человек не понимает, какой эффект производит его близость? Или он просто издевается над его самообладанием?

<http://bllate.org/book/17544/1713452>